

Воспоминания Мацур Нины Алексеевны (Долгиновский сельсовет д. Амбросенки):

«Я понимаю, - начала свой рассказ Нина Алексеевна, - люди должны об этом помнить. Родилась я в деревне Амбросенки, в семье было три сестры и брат. Понятное дело, родители работали на земле, держали хозяйство, мы им помогали. Вообще-то, хорошо жили. Пока не грянула война...» Прошло уже много лет с тех пор, но при этих словах навернулись на глазах Нины Алексеевны слезы, пробежала дрожь по рукам.

«Мне было 15 лет, - продолжила она свой рассказ, - когда немцы забрали из дому меня и старшего брата. Повезли в Верхнедвинск, где находился немецкий штаб. С деревень нахватили много молодых. На следующий день приехал отец, спросил у немцев: «Где наши дети?». Его также схватили, начали бить. Мол, ты связан с партизанами, рассказывай. Только что он мог рассказать, если напрямую с партизанами он не общался. Так, приходили люди, просили одежду, поесть давали.

Несколько дней сидели в подвале, который был переполнен людьми, а потом нас распределили по группам и пешком погнали в Бигосово. Там была железнодорожная станция. Подогнали поезд, погрузили в вагоны и повезли. А куда? Страшно было. Многие пытались бежать, но их расстреливали на месте. Так и ехали. Первая остановка в Латвии, а затем через некоторое время эшелон прибыл в Германию. Мы узнали, что нас привезли в город Андерсберг. Большинство из нас направили на завод, на котором изготавливали патроны.

Нина Алексеевна рассказывает про лагерную жизнь. Ее воспоминания чередуются паузами. Видно, что нелегко вновь вспоминать про трудности того периода. Узников голодными держали в бараках.

«Я запомнила, какой мы ели хлеб. Он был, словно ежик. В остюки и полову добавляли муки, чтобы слиплось, и, возле него лужица воды. Мы слизывали ее языком», - продолжала она. Работали сутками на заводе, изготавливали патроны. Там умер ее брат. «Голодный был, попалась под руки какая – то еда, съел и отравился».

Весной 1945 года в город вошли французские солдаты. Узники получили свободу. Нина Алексеевна вместе с отцом вернулась на Родину.

После войны так долго нельзя было привыкнуть, что уже не надо бояться неба. Я долго не могла смотреть в окно. Столько было разрушено, столько разбито... Стоят пустые черные трубы. Они почему-то казались очень высокими...

Я на все согласна. Ничего, никаких излишеств не надо.

Пусть ничего не будет. Только мир! Мир! Мы же этот мир спасали, - добавила в конце Нина Алексеевна и замолчала...

Лилия Ивановна Лонь - жительница г. Дисна:

Родилась она в Витебске в 1925 году. Отец служил в милиции, где занимал довольно высокий пост. Во время проведения коллективизации его включили в состав 25-тысячников и направили старшиной колхоза в Летцы Витебского района. Было это в 1929 году, когда дочке исполнилось четыре года.

Однако девочка запомнила то тревожное время, когда днем и ночью не расставался с пистолетом. Семья жила постоянно в страхе, потому что в окрестностях находилась вооруженная банда, которая убивала представителей власти и активистов.

Колхоз был бедным, не хватало коней, семян. Пахали на коровах. Через три года все ж получилось поправить состояние и получить, как говорят, хорошие взгляды на урожай. Прошедшие два года получились засушливыми, голодными. А сейчас у людей появилась надежда, получить отдачу от земли.

Правление колхоза приняло решение с первого обмолота зерновых выдать по пуду зерна каждой семье колхозника. Этот умный шаг председателя не все поняли, донесли в область, говоря, первое зерно хозяйство продает не государству, а раздает людям. Лилия Ивановна вспоминает:

- Отца быстро арестовали, исключили из партии. И сразу же прошел суд, ему дали 10 лет тюрьмы. После письма в Москву, срок уменьшили до 5 лет. Отца отправили на Дальний Восток. За хорошее поведение его досрочно освободили. После возвращения отец Лилии Ивановны устроился на лесосклад в Витебск плотогоном.

К несчастью началась война. Бывшего председателя мобилизуют в армию. Время шло быстро. Витебск оказался в руках немецких солдат. Не повезло и отцу Лилии, он оказался в окружение, а потом попал в плен. В одной из колонн военнопленных он пешком был направлен в Полоцк. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Мать Лилии Ивановны родилась в деревне Ковзоны на Дисненщине, рано потеряла родителей. В шесть лет ее взяла тетя из Востевич, где она прожила 10 лет. Молодой девушкой она убежала в деревню Королевские, устроилась помощницей к пану. Девушка понравилась стареющему помещику, начались ухаживания. Оттуда также убежала. Оказалась в Витебске, где и вышла замуж за начальника милиции Молотова.

Семейное счастье продлилось недолго. Как-то ночью в квартиру ворвались вооруженные бандиты и убили ее мужа.

Второе замужество за товарища по работе первого мужа. В этой семье родилась Лилия, а потом сестра и брат.

В марте 1942 года немцы сделали облаву на молодежь, в которую попала Лилия и ее старшая сестра Мария. Их поместили в вагоне, направили в Германию. В дороге не кормили, только на некоторых станциях давали воду, которой не хватало. Через двое суток на одной из таких станциях высадили, а потом опять распределили по вагонам.

Город Штутгарт стал конечной точкой их дороги. Молодежь отправили на медкомиссию, сделали дезинфекцию. Более сильных и здоровых отправили на фабрики и заводы, слабейших - в сельское хозяйство.

- Небольшую группу привезли в город Хайльбрин, - рассказывает Лилия Ивановна, - распределили по немецким сельским усадьбам. Я попала в распоряжение вдовы, муж которой погиб на восточном фронте. 40 – летнюю хозяйку звали Терезия Метцер, у нее было 12 гектаров земли, 6 коров и столько же свиноматок. Кроме хозяйки в доме жили две ее дочери шести и восьми лет.

Работать приходилось тяжело и много. Доили коров, кормили свиней, выкидывали навоз, возили разные грузы. Очень много ручной работы. Хозяйка сама работала без отдыхов. Был только небольшой на обед. Постоянно требовала быстрой, точной, аккуратной работы и послушания. Жили на чердаке, питались не очень хорошо.

Однажды девушка отказалась убирать навоз, потому что ей было плохо. Хозяйка заявила в полицию. Приехал полицейский, который начал девушку бить, требуя послушания хозяйки и беспрекословного выполнения ее распоряжений. Лилия стала на колени и начала молиться. Увидев это, полицейский остановил экзекуцию и велел ей собраться и идти за ним.

Меня привезли в небольшой городок, который находился за шесть километров от прежнего места проживания, - вспоминает Лилия Ивановна, - посадили в камеру. Через двое суток спросили, буду ли я делать распоряжения моей хозяйки. Сказала, что свиней смотреть не могу. После нескольких отказов меня повели к высшему полицейскому начальству. Поняла, что дело принимает угрожающее для меня направление, согласилась работать. Полицейский снова привез ее на хутор к хозяйке. К счастью, загрузили другой работой. Дни длились медленно, однообразно. К вечеру так уставала, что не чувствовала рук и ног. Хозяйка молоко сдавала

государству, свиней также. Разрешалось оставить себе только одного кабанчика.

В апреле 1945 года к хутору подошли американские войска. Подчас артиллерийского обстрела снаряд попал в дом, разрушив его часть.

Сразу после освобождения всех рабочих из СССР поместили в лагерь возле города Хальброн. Американские солдаты относились хорошо.

Потом переместили в советский лагерь на севере Германии. Вскоре некоторых из лагеря доставили в Витебск. Пришлось пройти медкомиссию и собеседование с представителями органов внутренних дел. Были выданы временные паспорта, прибывших отпустили.

Сразу стала проблема, куда идти и где жить, Лилия Ивановна отмечает, что город лежал в руинах, людей на улицах было не много. Знакомая сказала, что мама с меньшей сестрой и братом поехали на родину – в какую-то Дисну, что за Полоцком.

Решила искать мать и отправилась в неизвестную Дисну, - рассказывает Лилия Ивановна. Было начало августа, на огородах выросла уже картошка, огурцы.

Просила милостыню, люди делились, чем могли. После долгого пути, который длился пять дней, добралась до Дисны. Городок также был в руинах. У первой встретившейся мне женщины спросили о матери. Женщина посоветовала обратиться к семье Атрахимовичей, которая жила в домике на берегу Дисёнки. На мосту мне встретила пригорбленная женщина, похожая на мать. Мы посмотрели друг на друга и разошлись. Однако что-то тревожило меня. Через несколько шагов я обернулась. То же самое сделала женщина. О, Боже! Мы узнали друг друга.

Подбежали, обнялись. Оказалось мама узнала, что в Витебск привезли из Германии раньше вывезенных юношей и девушек. И она направлялась меня искать. Сразу же после встречи мама накормила меня хлебом, картошкой, огурцами. Ох, как это все было вкусно! Да еще из маминых рук. Когда немного я перекусила, мама повезла меня в деревню Востевичи, где три семьи жили в одном доме.

Конечно, вопрос дальнейшего устройства в жизни стал со всей остротой. При Дисненской больнице организовывали шестимесячные курсы медсестер. На семейном совете было принято решение, что нужно идти учиться.

До войны я закончила семь классов, - заметила Лилия Ивановна, - учеба давалась легко.

Закончила курсы, начала работать в Язненской больнице. Зарплата получалась небольшая. За ее можно было купить пуд зерна. Пациенты видели, что медики голодают, приносили, что кто мог.

Через два года перевели в Дисну. Проработала в отделе охраны здоровья статистом и на полставки дежурной медсестрой в детском отделении. Здесь познакомилась со своим будущим мужем Дмитрием. В скором времени у нас получилась семья.

Дмитрий Яковлевич Лонь, муж Лилии Ивановны, управлял магазином в Дисненском сельпо. Предложил и жене быть продавцом. Без особого энтузиазма Лилия приняла предложение.

Условия работы оказались тяжелыми. Все время на ногах в холодном помещении. Продавали обувь, которой катастрофически не хватало. Даже резиновые сапоги были дефицитом.

Все это отбивается сейчас, - замечает Лилия Ивановна. – Хожу с трудом.

Разных препятствий в жизни этой семьи было много. Преодолевали. Обработывали земельный надел, который не так просто было получить. За помощью нужно было обращаться к старшине облисполкома Владимиру Пантелеевичу Кулакову. Помог.

Сейчас земля уже не нужна, потому что нет сил обрабатывать ее. Лилия Ивановна часто обращается за медицинской помощью. И не теряет оптимизма: «Живу под этим небом», говорит она.

Геннадий Васильевич Кажан (д. Пересловка) – заложник трагических обстоятельств войны.

Ему было 16, когда вместе с мамой и двумя младшими сестрами попали в плен. По статистике из каждых десяти детей брошенных за колючую проволоку выживал только один. Ему и сестрам повезло выжить, а стрессов выпало не мало. Каждую минуту ждали смерти. Видели, как умирали люди, как уничтожали в человеке личность, издевались, мучили голодом и холодом, превращали в животное.

Война стала самым большим испытанием для Геннадия Васильевича. Больше в жизни он ничего не боялся. К счастью пережитое не сломало его морально, не вызвало агрессии в отношении к окружающим. Он сохранил в себе доброту, данную природой, и способность сочувствовать. Сравнивая прошлое и настоящее, Геннадий Васильевич удивляется, как в тех обстоятельствах можно было выжить. Тогда все находились в одинаковом положении, думали, так и должно быть, - рассуждает он. – Голодный – и все

такие. Чтобы не умереть, ели все. Не брезговали и глиной, картошкой. Про вкус не думали, лишь бы желудок наполнить. Когда нас гнали, утоляли жажду даже водой из лужи, возле которой уже несколько дней лежал труп мертвого животного. Так и выживали, инфекции не боялись. Это теперь все слишком слабые, даже в идеальных условиях.

Родился Геннадий Васильевич в деревне Заборье в 1928 году. В 1939 семья переехала в деревню Пересловка, которая за Новыми Круками. Туда его отца-лесника отправили работать в лесничество. Когда началась война и на Ельне образовались партизанские формирования, отец пошел в лесные войска. После его перевели в Ушачи. В партизанской зоне было достаточно спокойно, когда везде орудовали немцы.

-Мы были дома, когда объявили, что немцы в Круках, - вспоминает Геннадий Васильевич. – Дали команду всем бежать на Мох. Оставляя дом, надеялись, что враг скоро перейдет, и скоро вернемся.

Немцы шли с собаками цепью, окружили болото со всех сторон. Все время стреляли – здесь же тогда и партизаны были. Вокруг болото, мы старались держаться тропинок, чтобы не утонуть. Ноги опухали от ходьбы и сырости, измученные, голодные, ели только жито, размоченное водой. Две недели мучились. Забрели на такую поляну, может, в центр болота, где ни одного дерева, только моховые подушки, в которые проваливаешься до подбородка. Со всех сторон по краю лес. Нам ничего не оставалось, как закопаться в мох. На тот момент немцы не заметили. Тут в небе заревел вражеский самолет, наверное, разведчик. Партизан, который был среди нас, начал по нему стрелять из ручного пулемета. Через некоторое время прилетели еще два и сверху градом посыпались «фосфорные колбасы». Все вокруг было в дыму, болото горело.

Утром, когда, наконец, наступила тишина, мы пробрались на сушу. Как оказалось, перед Ковалевщиной. Сделали привал, разложили костер, чтобы погреться. Оборачиваемся, а за нами немцы.

Погнали до Дрисы, в лагерь за колючей проволокой. Мы даже и не надеялись, что с нами будут возиться. Все время ждали расправы. Когда вели из лагеря, шли мимо сосен, думали тут нам конец. Однако, пригнали на станцию, где уже ждал эшелон. Как селедкой набили «телятники» заключенными, наглухо забили окна и двери и повезли в Даугавпилс. Через двое суток отправили в Ригу. Оттуда на корабле в Дахау. Разместили в один из самых страшных лагерей – Дахау. Это тот самый полигон, где немцы оттачивали свои навыки физических и психических издевательств над пленными. Постоянно дымил крематорий. Сразу приказали раздеться. Одежду сбросили в большую кучу. Немец сортировал одних – налево, других

– направо. Нам повезло, отправили на карантин. Прошли обработку дустом. Из новой кучи подобрали одежду и в бараки. Где-то с месяц нам пришлось там быть. Потом повезли в Лаубинг, что недалеко от Мюнхена. Оттуда через одиннадцать месяцев нас освободили американцы. Можно было оставаться на чужбине, но овладело желание скорее добраться до надежного жизненного пристанища на родине.

Окунь Евгения Игнатьевна (д. Окунево):

Родилась 14 февраля 1922 года в крестьянской семье д. Окунево. В семье было пять человек. В плен попала в июне 1944 года по доносу полицая. Пешком под конвоем гнали до Россон. Там пленные делали завалы на дорогах, чтобы партизаны не смогли проехать. Работать было опасно, так как многие дороги были заминированы партизанами. И хотя немцы разминировали их, но иногда пленные гибли, подрываясь на минах.

Потом пленных перевезли в Ригу, а оттуда – на пароходе в Германию. Жили в лагере в 70 км от Берлина. Пленные работали на военном заводе.

Условия жизни и работы сказались на здоровье. Евгения Игнатьевна часто чувствовала недомогание вплоть до потери сознания. Постоянно болели ноги, приходилось обращаться к врачу. Состояние настолько ухудшилось, что ее перевели на сидячую работу. Кормили плохо. Продукты выдавали один раз в неделю, только по пятницам. Это был кусочек сахара и 700 граммов черного хлеба. Раз в день давали тарелку баланды. Весила в то время Евгения Игнатьевна 35 кг.

Долгожданный день освобождения пришел 1 мая 1945 года. С подружкой Олей вернулись домой.

Много лет проработала техничкой в Окуневской средней школе, потом переехала к сестре в д. Пекотино и жила в ее семье, помогала по хозяйству, растила племянников. После смерти сестры, жила в ее доме.

Латушко Павел Федорович (д.Красновцы, Турковский сельсовет):

Павлу Федоровичу Латушко было только десять лет, когда началась война. Отец его работал председателем ревизионной комиссии в сельпо в Дисненском районе. Когда немцы появились в Туркове, ушел в партизанский отряд. Отряд был небольшой. Всего было семь отрядов. Отряды размещались в деревнях. В каждом отряде были связные, которые раздобывали сведения о перемещении немцев, количестве боевой техники. Потом эти сведения передавали партизанам. Отца назначили бригадиром. Он собирал продукты

(мясо, картошку) и передавал партизанам или отправляли самолетом с Ельни. В Отрощине был аэродром, на строительство которого посылали людей из соседних деревень. Многие приходили сами. Павел Фёдорович с отцом и партизанами часто ездил на аэродром. Разжигали костры, готовились к приему самолета. Однажды разожгли костры, и вдруг услышали звук приближающегося немецкого самолета. Но партизаны успели затушить огонь.

В памяти Павла Федоровича сохранились блокадные дни, когда немцы проводили карательную экспедицию по уничтожению партизан, находившихся на Ельни. Это было очень трудное время. Партизаны пошли на прорыв, многие погибли на Ельни. Во время карательных экспедиций гибли не только народные мстители, но и мирное население. В окрестностях Ельни фашисты сожгли все деревни. В августе пришло освобождение. После освобождения партизаны ушли в Красную Армию.

Аўсюк Зінаіда Аляксееўна (в. Брыжынкi):

Была вывезена разам з бацькамі ў нямецкі горад Дзюсельдорф са сваёй роднай вёскі Брыжынкi ў 1943 годзе. Дзяўчынцы споўнілася тады ўсяго восем гадоў. Як яна ўспамінае, жылі яны ўсе ў лагеры, людзі старэйшыя за 20 гадоў працавалі на вялікіх заводах, а самыя маленькія займаліся праполкай палёў, прыбіралі ў лагеры. Але самым вострым успамінам, які прайшоў праз усе жыццё, з'яўляецца пачуццё голаду: ім, маленькім, пастаянна хацелася есці, а страва, якой іх кармілі, складалася з нейкай травы ды невялікай – трыста грам у суткі – порцыі хлеба, які і хлебам назваць было цяжка, бо напалову складаўся ён з апілак. Жылі ў гэтым лагеры не толькі беларусы: там былі і рускія, і італьянцы, і французы. Выратаванне прыйшло ў 1945 годзе разам з амерыканскімі салдатамі. У кастрычніку гэтага ж года сям'я Зінаіды Аляксееўны вярнулася ў родную веску, у якой не засталася ніводнай цэлай хаты.

Белавус Канстанцін Васільевіч (в. Брыжынкi):

У 1943 годзе шаснаццацігадовы падлетак быў вывезены на працоўныя работы ў Германію у горад Кёльн.

Спачатку яму давялося працаваць на кандытарскай фабрыцы, дзе вырабляў шакалад для нямецкіх салдат. Усюды панавала жорсткая дысцыпліна, а ўмовы пражывання былі вельмі дрэннымі: пастаянна даймалі вошы, спаць прыходзілася амаль на падлозе, кармілі мала. А як хацелася ім, галодным хлапчукам, паспрабаваць таго пахучага шакаладу, але за малейшую правіннасць пагражаў расстрэл. Потым Канстанцін Васільевіч

разам з трыма такімі ж, як і ен хлапчукамі, быў адпраўлены на сельгаспрацу да аднаго з нямецкіх баўэраў. Хоць і там ад іх патрабавалася толькі адно – гэта добра працаваць, - але жыць стала лягчэй: пачалі карміць, давалі выпасца. На жаль, Канстанціна Васільевіча няма сярод жывых, успаміны запісаны са слоў дачкі.

Бахір Генадзій Аляксандравіч (в. Гіргялі):

Нарадзіўся Генадзій Аляксандравіч у 1925 годзе ў вёсцы Кулакі, затым сям’я пераехала ў вёску Гіргялі. Вучыўся ў польскай школе ў вёсцы Маразы, закончыў чатыры класы.

Калі пачалася вайна, юнаку толькі споўнілася 16 год. “Дапамагаў бацькам па гаспадарцы, у полі: ірваў лен, сеяў, араў, жыта жаў. Снапы вязаў лепш, чым якая жанчына”, - успамінае Генадзій Аляксандравіч.

“У 1942 годзе стараста Чарняўскі Васіль прынес павестку. Трэба некага ў Германію з сям’і адправіць. Нас было двое братаў. Старэйшы Мілеціў застаўся, а я паехаў у Германію. Адвезлі нас у Глыбокае, многа нас з гэтай меснасці было, пасадзілі ў вагон – і паехалі. Прыехаўшы, адразу праверылі здароўе наша (хворых не бралі) і адправілі работаць мяне ў цэх Баніфацыус у шахту вугаль здабываць. Шахты глыбокія – да 800 метраў. Але мала я парабатаў там – адправілі наверх. Немцы баяліся работаць навярху – амерыканцы часта бамбілі. Калі рускага і заб’юць – нічога. А я запраўляў лампы кіслатой шахцерам, два гады. Работала нас там 25 мальцаў, майго ўзросту. А мясцовасць называлася – Эсэн-край.

Жылі мы ў бараках спачатку, потым ужо рассялілі нас у двухэтажны будынак. Пасля адной з бамбежак прыбеглі, а другога этажа як і не было. Работалі мы па 8 гадзін у суткі. Наглядалі за намі паліцаі. Кармілі: на двое сутак давалі невялічкую булачку хлеба і місачку бручкі. Мала было ежы”.

Аб сувязі з роднымі ўзгадвае Генадзій Аляксандравіч: “Пісалі пісьмы дамоў. Я не дужа граматны быў – вучыўся ж па-польску. Прасіў мальцаў, каб напісалі. Бацькі невялічкія пасылкі прысылалі: сухаркоў торбачку насушаць”.

Субяседнік узгадвае: “Побач, у другой шахце працавалі дзяўчаты (хлопцы і дзяўчаты утрымліваліся па-асобку). Яны больш легкую работу рабілі. А мы, калі асвоіліся, наведвалі дзяўчат, хлопцы ж маладыя).”

З боллю ў вачах успамінае Генадзій Аляксандравіч становішча ваеннапалонных, з якімі прыйшлося крыху працаваць ім у адной шахце. Дзяліліся з імі ежай, бегалі за іграшамі – шкада было іх вельмі.

“Закончылася вайна. Летам 1945 года прыехалі за намі палякі. Нельга было нас адразу дамоў адправіць. Паехалі мы спачатку ў Францыю. Прывезлі нас у горад Рэймс. Далі нам там аўтамацікі і мы за пленнымі немцамі

наглядалі. Толькі восенню 1945 г. нам казалі, што мы паедзем дамоў. Ехалі ў вагонах праз Варшаву, Вільню, Брэст. У Брэсце яшчэ тры дні хлеб пек, тады толькі ўжо нас адправілі. Не ведаў дзе сыйсці з пезда. Сышоў у Загацці ля Празарок. Ішоў пешшу наўпрамкі на Язна. Не помню як ногі мяне няслі. Прышоў дамоў, а хата на замку. Бацькі былі ў сваякоў у другой вёсцы. Сусед за імі збегаў. Бацькі прыбеглі – не думалі мяне ўжо ўбачыць жывым. Старэйшы брат Мілецій быў яшчэ на вайне, ен пазней вярнуўся...”.

Пасля вайны Генадзій Аляксандравіч пераехаў у веску Клімяты, працаваў у калгасе, вырастіў чатырох цудоўных дзяцей: 2 дачок і 2 сыноў, дачакаўся ўнукоў і праўнукаў.